

О ЖАНРЕ «РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭМЫ»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1820—40-х гг.
И ПОЭМАХ С. А. ШИРИНСКОГО-ШИХМАТОВА,
А. Н. МУРАВЬЕВА И Ф. Н. ГЛИНКИ

В статье речь идет об оригинальных русских поэмах на библейские сюжеты. Такие поэмы называли «религиозными», «священными», «духовными». Их жанровые образцы — эпопеи Дж. Мильтона и Ф. Г. Клопштока, считавшиеся в свое время душеполезным чтением. Религиозные поэмы располагались на границе светской и духовной словесности и представляют интерес с точки зрения не только истории литературы, но и истории богословия и библейской экзегетики. В статье дан общий обзор произведений этого жанра во второй половине XVIII — первой половине XIX в. и отдельно рассматриваются некоторые поэмы, созданные в период его расцвета в России в 1820—40-х гг.: «Иисус в Ветхом и Новом заветах, или Ночи у Креста» С. А. Ширинского-Шихматова, «Потоп» А. Н. Муравьева, а также «Иов» и «Таинственная капля» Ф. Н. Глинки. Особое внимание в статье обращается на богословское содержание этих поэм и восприятие их церковными деятелями, в том числе святителем Филаретом (Дроздовым).

Ключевые слова: «религиозные» поэмы, эпопеи Мильтона и Клопштока в России, светская и духовная словесность, библейская экзегетика, С. А. Ширинский-Шихматов (иеромонах Аникита), А. Н. Муравьев, Ф. Н. Глинка.

Среди европейских эпических поэм XVII—XVIII вв. значительное место занимали поэмы, основанные на библейских или смежных с ними апокрифических сюжетах. В отличие от героических поэм национально-исторического содержания, их называли «религиозными», «священными», «духовными», «христианскими». Об-

разцы жанра, получившие общеевропейское признание, — эпопеи Дж. Мильтона «Потерянный рай» (1667) и Ф.-Г. Клопштока «Мессия» (1748–1773)¹. Отличительной особенностью такого рода поэм, согласно литературным теориям интересующего нас периода, было «смешение вымысла с истинною религиею, выраженное в формах древней языческой поэзии»². Однако уже в XVIII в. эти поэмы часто сочинялись в прозе и «по форме» (объему, композиции, стилю) были далеки от классического эпоса. Такова, например, некогда популярная поэма С. Геснера «Смерть Авеля» (1758), известная русским читателям в начале XIX в. в пяти разных переводах³.

В русской поэзии XVIII — начала XIX в. привычными были переложения псалмов и подобные им лирические стихотворения, именовавшиеся «духовными одами». В размежевавшейся с церковной книжностью новой русской литературе переложения псалмов выполняли важные функции, и в частности оправдывали само ее существование⁴, удостоверяли, что подвигающиеся в ней авторы — богомыслящие христиане. Религиозные поэмы (аналог духовных од в эпическом роде) располагались на границе между светской и духовной словесностью. В России эта граница была особенно ощутима, поскольку изящная словесность являлась в первую очередь частью дворянской культуры, а духовная, в принципе чуждая элитарности и внесловная, была сферой ответственности духовного сословия. Показательно, что авторами, переводчиками и адреса-

¹ Поэма Ф.-Г. Клопштока «Der Messias» в России больше известна как «Мессиада». См. о ней: *Лискеев А.* Клопшток Ф. Г. // Православная богословская энциклопедия. Т. 11. СПб., 1910. С. 261–264; *Ботникова А. Б.* Восприятие творчества Клопштока в русской литературе его времени // Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе. Вып. 3. Красноярск, 1978. С. 16–32.

² *Давыдов И. И.* Чтения о словесности. Курс третий. Изд. 2-е, испр. М., 1839. С. 288. Ср. скептическое высказывание другого критика: «Духовная эпопея по форме языческой поэмы есть что-то уродливое, несмотря на гений Мильтона и Клопштока» (*Полевой Н. А.* О духовной поэзии // Библиотека для чтения. 1838. Т. 26. Кн. 1. С. 104).

³ См. о ней: *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984. С. 66–68.

⁴ См.: *Живов В. М.* К предыстории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века <1993> // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 532–555.

тами посвящений религиозных поэм нередко выступали духовные лица. Так, единственный (до 1824 г.) перевод «Возвращенного рая» Мильтона, вышедший в 1778 г. и потом многократно переиздававшийся, принадлежал священнику московской церкви Николы в Хамовниках и учителю Троицкой семинарии Ивану Грешищеву⁵. «Потерянный рай» на русском языке полностью впервые был издан в 1780 г. в переводе архимандрита (вскоре епископа) Амвросия (Серебренникова) с посвящением митрополиту Плутону (Левшину)⁶, причем в предисловии переводчик отметил «главнейшие» богословские погрешности английского поэта, а среди них «не столь приметную, может быть, но наибольшую... что он придержался Арианской ереси»⁷. Из пяти опубликованных полных переводов «Смерти Авеля» Геснера один также принадлежал священнику — коломенскому протоиерею В. М. Протопопову⁸. Оригинальные русские религиозные поэмы были немногочисленны, но можно заметить, что едва ли не большинство из них в конце XVIII — начале XIX в. появились из церковной среды (преимущественно из духовных учебных заведений): прозаическая поэма И. И. Казаринова «Иоас, возведенный на престол, или Торжествующая истина» (М., 1798) вышла с посвящением митрополиту Гавриилу (Петрову), поэма в пяти пес-

⁵ Возвращенный рай, сочинение г. Милтона. Переведен с французского языка Троицкой семинарии р[иторика] и п[иитики] учителем Иваном Грешищевым. [М.], 1778. До 1828 г. этот перевод переиздавался не менее шести раз.

⁶ Потерянный рай, поема героическая, творение г. Милтона. Переведено с французского языка. М., 1780 (подпись под посвящением: «М.А.П.А.», т. е. Московской академии префект Амвросий). Исправленный в 1785 г., этот перевод до 1827 г. выдержал шесть переизданий.

⁷ Это точное и делающее честь проницательности Амвросия замечание, поскольку трактат Мильтона «О христианской доктрине», в котором открыто выражены его антитринитарные взгляды, был найден и атрибутирован Мильтону только в 1823 г. (издан в 1825 г.). Амвросий, впрочем, тут же успокоил русских читателей, сообщив, что в его переводе «таковые выражения, как и другие некоторые места, переменены».

⁸ Творения г. Геснера, поэма Авелева смерть, в пяти песнях. Переведена вновь. М., 1799. В первоначальном варианте титульного листа значилось: «На российский вновь переведена в Коломне протоиереем Васильем Михайловичем Протопоповым» (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: В 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 226).

нях «Необходимость Мессии, доказанная разумом» (М., 1803) была написана студентом и преподавателем Славяно-греко-латинской академии С. А. Смирновым, несколько стихотворных переложений отдельных глав и целых книг Библии сделал в 1810–20-х гг. священник Г. А. Пакатский⁹ (этот список можно продолжать).

Переводчики и авторы религиозных поэм в предисловиях и посвящениях обычно подчеркивали, что намерения их самые благочестивые, что труд их имеет целью христианское просвещение. Значит, эти поэмы подлежали оценке не только как произведения изящной словесности, но и с вероучительной точки зрения. Это, с одной стороны, осложняло положение писателей, поскольку они, таким образом, подвергались двойной критике (и порой создавали трудности во взаимоотношениях гражданской и духовной цензуры), а с другой стороны, это давало им простор для выражения богословских мнений, которые всегда можно было оправдать ссылкой на «вымыслы стихотворческие», «в просвещенном нашем отчестве не запрещенные»¹⁰.

В русской литературе жанр религиозной поэмы переживал лучшие свои времена начиная с 1820-х гг. Это было связано с эстетическими идеями и литературной практикой романтизма. Имевшая прежде успех элегическая и «легкая» поэзия перестала удовлетворять читателей, как слишком частная и лишенная общезначимого содержания, а поэзия XVIII в. — как недостаточно оригинальная и чуждая национальной самобытности. Лейтмотивом критических высказываний в 1820-х гг. становится утверждение, что «у нас нет литературы», то есть она несамостоятельна, легковесна и несерьезна. На этом фоне библейская тематика — как безусловно значительная и серьезная — получила особую привлекательность в гла-

⁹ Поэма. Плач Иеремии, преложенный стихами церкви санктпетербургских богаделен священником Гавриилом Пакатским. СПб., 1814; Священная поэма, состоящая из девяти песней, воспетых устами Богодухновенных человек... СПб., 1814; Псалтирь в стихах... СПб., 1818. Ч.1–2; Книга Иисуса Серахова. СПб., 1825. Позднее Пакатский переложил стихами Канон св. Андрея Критского (СПб., 1829).

¹⁰ Слова из предисловия к поэме М. М. Хераскова «Вселенная» (1797), в которой речь идет о творении мира, падении ангелов и изгнании первых людей из рая (см.: Творения М. Хераскова, вновь испр. и доп. Ч. 3. М., 1797. С. 26).

зах русских авторов. П. А. Катенин в программном стихотворении «Мир поэта» (1822) представил библейские сюжеты как наиболее достойные поэтического вдохновения. Мода на Байрона и популярность романтических поэм в его духе в это время тоже, как ни странно, стали благоприятствующими обстоятельствами для развития религиозной поэмы. Романтическое богоборчество Байрона, часто осуществляемое на библейском материале (мистерии «Каин», 1821; «Небо и земля», 1822), побуждало к противодействию авторов с иным умонастроением, и опереться в этом они могли как раз на традицию религиозной эпопеи в духе Мильтона и Клопштока, с которой Байрон полемизировал. Романтическим поэмам байроновского типа¹¹, подозреваемым в проповеди безнравственности и эгоизма, религиозные поэмы противостояли как защищающие традиционные верования и мораль. Некоторые из этих поэм подвергались гонениям духовной цензуры, однако их жанровые прототипы — поэмы Мильтона и Клопштока — в силу их почтенного возраста и авторитета не относились к сфере ее деятельности. В 1824 г. вышел новый перевод «Потерянного рая»¹² (после этого еще не раз переиздавались и старые переводы). В 1820—1821 гг. впервые полностью на русском языке вышла «Мессиада»¹³. Важным событием стал и ее новый французский перевод, вышедший в 1825 г. с посвящением Александру I¹⁴, а также позднейший перевод Ф. Р. Шатобрианом «Потерянного рая», на который Пушкин считал нужным

¹¹ Поэтика и история этого жанра в русской литературе 1820—30-х гг. описаны в классической книге В. М. Жирмунского «Байрон и Пушкин» (Л., 1924; переизд.: Л., 1978).

¹² Потерянный рай, поэма Иоанна Мильтона. С приобщением его же творения: Возвращенный Рай / Пер. с фр., исправленный по англ. подлиннику, с присовокуплением примечаний Е. Люценко. Ч. 1—4. СПб., 1824.

¹³ Мессия. Поэма, сочинение г-на Клопштока / Пер. с нем. Изд. 2-е. Ч. 1—4. М., 1820—1821. Первая половина этого перевода (10 песен из 20), сделанного известным «мартинистом» А. М. Кутузовым, вышла значительно раньше (Ч. 1—2. М., 1785—1787). В новом издании перевод был заново отредактирован, возможно, при участии Н. М. Карамзина.

¹⁴ *Le Messie, poème de F. G. Klopstock. Traduction nouvelle, par M. J. D'Horrer.* Paris, 1825. Этот прозаический перевод был сделан высокопоставленным дипломатическим чиновником (секретарем посольства Франции в Швейцарии), и на посвящение Александру I, конечно, было испрашено и получено разрешение.

откликнуться особой рецензией незадолго до своей гибели (1837). Стихотворный перевод этих поэм (все предыдущие были прозаическими) с 1820-х гг. стал заманчивой целью для русских поэтов-переводчиков, и такие попытки делались. Кроме появившихся в печати отрывков, небезынтересно отметить один не сохранившийся опыт. А. Н. Муравьев в 1834 г. перевел стихами V песнь «Мессиады», посвященную Молену о чаше в Гефсиманском саду, и его перевод читал и исправлял святитель Филарет (Дроздов)¹⁵. Видно, что эти поэмы еще пользовались уважением в церковной среде и в целом рассматривались как душеполезное чтение¹⁶. Это нужно иметь в виду при оценке намерений русских авторов поэм такого рода. Они вправе были рассчитывать на благожелательное к ним отношение, тем более в 1820–40-х гг. авторами религиозных поэм часто выступали не только малозаметные литературные труженики, но и прославленные поэты.

С. А. Ширинский-Шихматов, «Иисус в Ветхом и Новом заветах, или Ночи у Креста»

Князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783–1837), принявший в 1830 г. монашеский постриг с именем Аникиты и позднее живший на Афоне, в свое время пользовался большой известностью как один из лучших поэтов¹⁷. В полемике о старом

¹⁵ См.: Письма митрополита Московского Филарета к А. Н. М... 1832–1867. Киев, 1869. С. 4–5.

¹⁶ Это уважение, конечно, не было безусловным и всеобщим. Так, святитель Игнатий (Брянчанинов), вообще негативно относившийся к светской поэзии на духовные темы, цитируя слова Симеона Нового Богослова о неправильной молитве «мечтателя», привел в пример Мильтона и Клопштока (см.: Полн. собр. творений святителя Игнатия Брянчанинова: [В 8 т.] Т. 1: Аскетические опыты. М., 2006. С. 216–217 — «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником», 1867). Впрочем, показательно, что он вообще о них вспомнил в этом контексте (значит, они входили в круг чтения благочестивых читателей, раз могли, по мнению святителя Игнатия, послужить к их соблазну).

¹⁷ См. о нем: [Ширинский-Шихматов П. А.] О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя Сергея Александровича Шихматова. Читано в Российской академии 29 октября 1838 года. Изд. 2-е. СПб., 1853 (переизд. в кн.: Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. М., 2009. С. 177–207).

и новом слоге, начатой А. С. Шишковым в 1803 г. и расколовшей литературную общественность на противоборствующие «партии» (прообразы будущих славянофилов и западников), он твердо держал сторону Шишкова, который пропагандировал поэзию Шихматова в качестве образцовой по тематике (героико-патриотической и духовной) и языку. Его стихотворения отличаются высоким славянизированным стилем и изобилуют цитатами и парафразами из богослужебных текстов и Славянской Библии. По замечанию архиеп. Филарета (Гумилевского), «поэтические произведения его все дышат благочестием»¹⁸, а Пушкин наградил его однажды титулом «Шихматов богомольный»¹⁹.

«Иисус в Ветхом и Новом заветах, или Ночи у Креста»²⁰ — самое большое произведение Шихматова в стихах и одно из последних его выступлений в печати в качестве светского автора. Вторая часть заглавия напоминает о его более ранних стихотворениях — «Ночь на гробах. Подражание Юнгу» (СПб., 1812) и «Ночь на размышления» (СПб., 1814). Это небольшие религиозно-дидактические сочинения, написанные в подражание поэме Э. Юнга «Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» («The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality», 1742–1745)²¹. Последняя поэма Шихматова, как будто замыкающая этот цикл, на самом деле резко от них отличается. «Ночи у Креста» втрое больше двух ранних «Ночей», вместе взятых, написаны без рифм (в отличие от всех прежних стихотворений Шихматова, являвшегося виртуозом в этой области) и посвящены исключительно разбору и толкованию Священного Писания. Это не просто благочестивые размышления на темы духовной

¹⁸ *Филарет (Гумилевский)*, архиеп. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. СПб., 1884. С. 445.

¹⁹ В поэме «Домик в Коломне» (1830). В литературно-полемических стихотворениях лицейского времени Пушкин называл Шихматова «Рифматовым».

²⁰ Иисус в Ветхом и Новом заветах, или Ночи у Креста. Стихотворение князя Сергея Шихматова, члена Российской Академии. СПб.: В тип. Росс. Акад., 1824. [4] 269 с.

²¹ О Юнге и «юнгианстве» в русской поэзии см.: *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990. С. 143–160, 221–226.

жизни, а что-то вроде пособия по догматическому богословию и библейской экзегетике, только написанное в стихах. Шихматов излагает учение о Святой Троице, Боговоплощении и Искуплении, раскрывает прообразовательное значение ветхозаветной истории и в систематическом виде представляет пророчества о Мессии. Поэма разделена на пять «ночей», которые начинаются и заканчиваются обращениями автора к своей душе и молитвословиями.

Ночь первая, предваренная эпиграфом «Провешаю ганания исперва» (Пс 77. 2), посвящена учению о Святой Троице, творении мира, природе человека и первородном грехе и истории св. праотцев, рассказ о каждом из которых заключается типологическим толкованием, относящимся к вочеловечившемуся Сыну Божию: «Так Авель истинный...» (с. 19), «Так Ное выпренний...» (с. 22), «Так преданный отцем небесный Исаак / На той же высоте Мории многохолмной...» (с. 27), «Так послан к братии, к заблудшим человекам, / Иосиф мысленный, Спаситель истый мира...» (с. 37) и др. *Ночь вторая* посвящена четырем следующим книгам Пятикнижия, ее тема обозначена эпиграфом: «Кончина закона Христос» (Рим 10. 4). Ее содержание — Моисей и Закон, Скиния и ее устройство, Аарон и священство. Заканчивается она общим обзором жизни и деяний Моисея как прообразующих события Нового Завета. *Ночи третьей* можно было бы дать заглавие «Пророки». Ее эпиграф: «О Иисусе вси пророци свидетельствуют» (Деян 10. 43). Здесь излагаются и толкуются свидетельства пророческих книг о Мессии (поэт как бы слышит согласное пение пророков на Сионе). Они сгруппированы по трем разделам: сначала идут пророчества о Боговоплощении, затем о Страстях Христовых и Крестной Жертве и, наконец, о Воскресении. В начале каждого раздела помещены переложения соответствующих мест из Псалтири. Заканчивается *Ночь третья* общим обзором свидетельств псалмопевца Давида о Сыне Божием. *Ночи четвертая и пятая* — самые большие в поэме. Четвертая посвящена земной жизни Христа до Входа в Иерусалим, а пятая — Его Страстям и Воскресению (эпиграфы: «Велия благочестия тайна: Бог явися во плоти» (1 Тим 3. 16) и «Мне да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа» (Гал 6. 14)).

С религиозными эпопеями вроде «Потерянного рая» Мильтона поэма Шихматова имеет мало общего²²: он не вводит отсутствующих в Писании персонажей, не выдумывает и не дополняет от себя разговоров и речей, не интересуется живописными подробностями обстановки, психологией лиц и т. д. В поэме вообще отсутствует вымысел. Поэтому Шихматов и отказался от самого термина «поэма» (рассматривая его как раз как указывающий на наличие вымысла), а дал своему объемному сочинению подчеркнуто нейтральный жанровый подзаголовок: «Стихотворение»²³. В отличие от Мильтона и его последователей, чередовавших рассуждения с волнующими драматическими сценами, Шихматов не дает читателю отдохнуть от высоких размышлений. Его поэма написана несколько однообразным торжественным стилем и лишена сюжетной динамики. Он, в частности, последовательно избегает диалогов — даже там, где они есть в оригинале. Вот как, например, Шихматов передает евангельский рассказ о вопрошании Каиафы к Иисусу, Его ответе и последующем обвинении в богохульстве с раздиранием первосвященником своих одежд (Мф 26. 63–65):

И ядом зависти имея грудь кипящу,
Начальник и душа совета нечестивых,
По сану — освящен, верховный Божий жрец,
По сердцу — осужден, жестокий Божий враг,
Язык свой изострил ужалить Иисуса.
Он, Сына Божия живым заклывший Богом,
Из уст безмолвного свидетельство исторг
О истинном Его во плоти Божестве
И, слово истины в хулу вменив, бесстыдный,

²² Шихматов был знатоком английской поэзии, первое его выступление в печати — перевод «Опыта о критике» А. Попа (1806). Поэмы Мильтона он, конечно, внимательно изучал, и в «Иисусе в Ветхом и Новом заветах» есть некоторые реминисценции из них, но тем показательней, что в целом произведение Шихматова написано вполне своеобразно.

²³ К жанровым дефинициям Шихматов не был безразличен. Поэмы, принесшие ему литературную славу, он снабдил оригинальными жанровыми подзаголовками: «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях» (СПб., 1807) и «Петр Великий. Лирическое песнопение в восьми песнях» (СПб., 1810).

Расторгнул на себе священные одежды
(И тем, поправ закон, явил, не зная сам,
Что древний ветхого священства прерван чин,
Что славой Аарон померк пред Иисусом,
Священником-царем, Мелхисидеком вечным) (с. 221).

В «Ночах у Креста» Шихматов занимается не историей, а умозрением, поэтому сосредоточен не на «букве», а на «духе» Писания и не столько повествует, сколько толкует, чаще всего используя аллегорический метод. Толкования его при этом не являются произвольными, а основаны на святоотеческой традиции²⁴.

В конце XIX в. была опубликована обширная богословская переписка Шихматова с его братьями Алексеем и Павлом, относящаяся ко времени его пребывания в Юрьевом монастыре под началом архим. Фотия (Спасского) (1828–1832)²⁵. Братья, занимавшиеся духовным просвещением своих крестьян, скорбели о прекращении перевода Священного Писания на русский язык и упрекали Шихматова за его высказывания против переведенных при Александре I книг (впрочем, весьма осторожные и имеющиеся только в его личной переписке с братьями). Они напомнили ему о его поэме: «Сие переложение Нового Завета на Российский язык, скажем мимоходом, за которое многие и многие благодарят и царя, указавшего сие сделать, и потрудившихся в сем деле... на-

²⁴ Предварительно среди его источников можно назвать труды еп. Иннокентия (Смирнова), «ревностным почитателем» которого, по словам его биографа, был Шихматов (См.: *Жмакин В. И.* Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский: Биографический очерк. СПб., 1885. С. 82), а также «Записки на Книгу Бытия» святителя Филарета (Дроздова), изданные к тому времени дважды (в 1816 и 1819 гг.). Впрочем, творчество Шихматова очень мало изучено, а поэма «Иисус в Ветхом и Новом заветах» вовсе никогда специально не исследовалась. Ей посвящен только раздел в диссертации Т. Л. Воронина на соискание степени канд. фил. наук «Творчество С. А. Ширинского-Шихматова» (МПУ, 2002).

²⁵ *Жмакин В. И., свящ.* К истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия: Из переписки братьев князей Ширинских-Шихматовых // Христианское чтение. 1889. Ч. 1. С. 638–673; Ч. 2. С. 97–124, 603–630; 1890. Ч. 1. С. 76–113, 314–333, 596–625; Ч. 2. С. 3–64 (отд. изд. под загл.: Материалы для истории русской богословской мысли... СПб., 1890. 242 с.).

поминает тебе о твоём переложении многих мест всей св. Библии, в котором ты дозволил себе прибавлять многие слова, в святом тексте не находящиеся, и без которого не составилось бы переложение сие на язык поэзии. В сем предприятии, позволь тебе сказать, ты не привел себе на ум сии важные истины, что слова свящ. Писания отличны от словес людских...»²⁶ Это не лишённое язвительности напоминание было только тактическим ходом в споре братьев с Шихматовым, выражавшим, как им казалось, чужие мнения (в первую очередь Фотия, к которому они относились подозрительно и неприязненно). На самом деле Шихматов, хотя и принадлежал к «партии» Шишкова и Фотия, не был столь уж последовательным противником перевода Библии на русский язык, а кроме того, его поэма, завершённая в 1824 г., была не столько библейским переложением, сколько богословским сочинением в стихах. Это и предопределило её читательскую судьбу. Есть сведения, что император Александр I «с восторгом прочитал её и велел скупить весь тираж для рассылки по духовным учебным заведениям»²⁷. Светские литераторы из числа почитателей Шихматова поначалу ею заинтересовались²⁸, но в дальнейшем о ней не вспоминали, вероятно увидев в поэме специальное ученое сочинение, «пиитические красоты» которого, по выражению одного критика, оказались скрыты «в облаке отвлеченных понятий»²⁹.

²⁶ Христианское чтение. 1889. Ч. 1. С. 671 (письмо кн. Алексея Шихматова от 28 ноября 1829 г.). Последняя выделенная курсивом фраза — цитата из предшествующего письма самого С. А. Шихматова к братьям.

²⁷ Воронин Т. Л. Князь С. А. Ширинский-Шихматов и его поэма «Иисус в Ветхом и Новом Заветах, или Ночи у Креста»: к проблеме русского культурного двоемирия // Ежегодник Богословской конференции ПСТГУ. М., 2003. С. 401–402. Ср.: Стурдза А. С. Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникиты // Одесский вестник. 1837. № 65.

²⁸ См., например, упоминание о ней в письме П. А. Катенина к Н. И. Бахтину от 25 февраля 1825 г.: Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 255.

²⁹ Бестужев А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Декабристы. Эстетика и критика. М., 1991. С. 123. Показательно, что Бестужев здесь назвал поэму не «Ночи у Креста», а «Ночи на гробах», по памяти перепутав её название с другим сочинением Шихматова (1812).

А. Н. Муравьев, «Потоп»

Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874), известный церковный деятель и чрезвычайно плодовитый писатель, в юные годы выступал как стихотворец. Во второй половине 1820-х гг. в салоне княгини З. Н. Волконской, среди посетителей которого были И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев и другие молодые авторы, желавшие придать современной им литературе более серьезное направление, Муравьев был принят как один из самых многообещающих поэтов. Литераторы постарше, в том числе Пушкин и Баратынский, также посещавшие этот салон, считали его репутацию завышенной, а расточаемые ему авансом похвалы – вредными для и без того самолюбивого автора³⁰. В 1827 г. был издан сборник его стихотворений «Таврида», который имел определенный успех, но Муравьев претендовал на большее. С марта 1826 по август 1827 г. он работал над эпической поэмой «Потоп», оставшейся в итоге незавершенной. Написаны были (или сохранились) только две первые песни поэмы, впервые опубликованные в 2001 г. Н. А. Хохловой с обстоятельными статьей и комментариями³¹. В окружении Муравьева был известен и сам факт его работы над поэмой, и какие-то ее фрагменты, с чтениями которых он иногда выступал перед избранными³².

В отличие от «Ночей у Креста» Шихматова, «Потоп» Муравьева сочинялся как классическая религиозная эпопея, представляющая «смешение вымысла с истинною религиею». Замысел, впервые возникший у него еще в 1820 г., при чтении «Смерти Авеля» Геснера, и окончательно оформившийся во время путешествия по Кавказу в 1825 г., был чрезвычайно смелым: он задумал произведение, которое

³⁰ См.: Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 13. Л., 1989. С. 222–241.

³¹ Хохлова Н. А. Эпическая поэма А. Н. Муравьева «Потоп» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 19–45 (текст поэмы – с. 32–42). Об этой поэме см. также в кн.: Хохлова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев – литератор. СПб., 2001. С. 109–121.

³² По указанию Н. А. Хохловой, последнее известное свидетельство об одном из таких чтений – запись в дневнике И. И. Козлова от 27 декабря 1832 г. (см.: Дневник И. И. Козлова // Старина и новизна. СПб., 1911. Кн. 11. С. 52).

должно было встать в один ряд с поэмами Мильтона и Клопштока и как бы довершить начатое ими дело. Как вспоминал позднее Муравьев, тогда они особенно его увлекали: «...Мильтон и Клопшток днем и ночью, как призраки, меня обтекали; я хотел окончить их бессмертные поэмы и поэмой Последнего суда смертных довершить песнь о падении и искуплении человеческого рода, но меня удерживал мистицизм подобного творения... <...> Но я... <...> решился на великий труд — окончить поэмы Мильтона и Клопштока — минувшею картиною грядущего суда — потопом! То же нерадение и беспечность у предков, как и у потомков, то же презрение Божества и та же казнь!»³³ Сюжет поэмы, по замечанию Н. А. Хохловой, мыслится автором как «апокалиптический», о чем заявлено в самом ее тексте: «Да проникну небес высокие, дивные тайны / И грядущего тень разовью в минувших картинах!» (с. 32).

Муравьев писал эпопею о Всемирном потопе, и главным ее героем должен был стать Ной. Только он персонально упомянут в зачине поэмы: «Кто отважный пловец в уединенном Ковчеге?» (с. 32). Однако в двух написанных песнях он появляется лишь под конец. Их библейская основа — Быт 6. 1–4, рассказ о том, как «сыны Божии» сходили к «дочерям человеческим» — и умножились на земле «исполины». Свой поэтический вымысел Муравьев развивает, исходя из известного понимания «сынов Божиих» как ангелов, а «исполинов» — как плода их любви с «дочерями человеческими».

...Когда к дочерям человеков
Неба сходили сыны впитать любви наслажденья,
Плод их тайной любви, на земле Исполины восстали;
Гордые кровью отцов, обращая дивную силу
На погибель людей, на грабежи, на убийство —
Дщерей Каина кровь текла не тщетно в их жилах,
Все горели враждой к сынам бесчисленным Сифа
И замыслили им смерть — душа их мщенья алкала! (с. 35).

³³ Муравьев А. Н. Мои воспоминания // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 62–63.

Нетрудно заметить, что произошла контаминация двух версий толкования этого места: «сыны Божии» — это ангелы (а не потомки Сифа), но соблазнили их именно «дщери Каина» (а не вообще «дочери человеческие»). При этом речь идет о падших ангелах, что видно из родословий, которые Муравьев придумывает для своих исполинов: их предводитель Магог — сын неназванного ужасного ангела (видимо, самого Сатаны) и ворожившей на костях мертвецов Ады, «дочери Фовела» (Тувалкаина); Ирад и Гамер — сыновья ангела смерти Оввадона (так!) и Наиды, «дочери юной Ноеты» (Ноемы?); Офир — сын Денницы и прелестной Тирзы, внучки Уавела; Элам — мягкосердечный сын Аббадонны (у Клопштока это раскаивающийся демон) и Гермiony, «дщери Ювала» (Иувала). Частично эти и другие имена в поэме взяты из Библии, но в ряде случаев никак не могут быть идентифицированы с ее персонажами. Это неполное соответствие должно было напоминать читателям, что перед ними все-таки плод поэтического вымысла.

Итак, в поэме Муравьева исполины, враждующие с потомками Сифа, происходят от союза падших ангелов с каинитянками. Место их обитания поэт назначает «в Араратских горах» (на Кавказе). Здесь же поселилось одно из племен сифитян, уже утратившее истинное благочестие («недостойная отрасль Сифа» — с. 34). Две юные девы из этого племени (Мирра и Сельма) предаются любви с двумя ангелами (Азаил и Салим), но это не падшие, а небесные ангелы, которым еще только предстоит пасть в результате преступной связи. Исполин Ирад, чью страсть Мирра отвергла ради ангела Азаила, жаждет мести, призывает обитающего в пещере злого духа, которому поклоняются исполины (за ним скрывается сам Сатана), и заручается его поддержкой. Исполины собираются на военный совет, после чего устраивают кровавый набег на племя сифитян. В конце побоища появляется Ной, скорбящий о безуспешности своей проповеди. Попытавшись поднять на него руку, исполины превращаются в камни, но вскоре оживают и, уstraшенные чудом, хоронят своих мертвецов и удаляются восвояси. Из всего племени сифитян-отступников, кроме спасенных ангелами Мирры и Сельмы, выживает одна дева по имени Лилия. Иафет, влюбившись в нее с первого взгляда и не спросив разрешения Ноя, уводит ее с собой. На этом повествование обрывается.

По примеру Клопштока и Жуковского, переложившего часть II песни «Мессиады» («Аббадона», 1815), Муравьев сочинял свою поэму гекзаметрами. Он строил ее как классический эпос, но при этом рассчитанный на вкусы романтической эпохи. Имя одного из своих ангелов — Азаил — Муравьев позаимствовал из мистерии Байрона «Небо и земля» (1822), который в свою очередь взял его из эфиопской редакции Книги Еноха, появившейся на английском языке в 1821 г. К Байрону восходит и ситуация любовного соперничества Азаила и исполина Ирада (в его мистерии так зовут одного из сыновей Ноя), и само наличие двух пар ангелов и смертных женщин³⁴. Однако Муравьев не следует Байрону, а противостоит ему, предлагая альтернативную версию событий, изображаемых в согласии с христианской моралью. У Муравьева главной проблемой является вероотступничество, его причины и последствия. В «Потопе» действуют праведники, жестоковыйные грешники и те, кто только еще ступил на путь греха и способен к покаянию (эту роль поэт, видимо, отводил Иафету). В отличие от Байрона, переосмысливавшего библейские образы и сюжеты в целях самовыражения, Муравьев, подобно Мильтону и Клопштоку, стремился актуализировать их для своих современников. Полет фантазии у него имеет свои границы: злодеи и праведники в «Потопе» предстают в том же качестве, что и в Библии, а не меняются местами, как в мистериях Байрона (у которого Ной, например, бессердечный ханжа).

С самим библейским текстом Муравьев обращается бережно и цитаты из него использует отнюдь не произвольно. Вот его описание Ноя:

Свежий на вечере дней, свидетель спящих столетий,
Он шесть бурных веков с их поколениями видел.
<...>
То был Ной, друг Божий! — и мир его недостоин,
Мир, погрязший в грехах! Один из племени смертных,
Он шел правой стезей и был избран Иеговой
Патриархом земли, девятым после Адама! (с. 41).

³⁴ В мистерии Байрона их имена Азазил и Ана, Самиаз и Аголибама (имя ангела Самиаза тоже взято из Книги Еноха).

Кроме прямой аллюзии на Быт 6. 8—9 и точных указаний на возраст и поколение Ноя (Быт 9. 28; Иуд 1. 14), здесь есть еще две библейские цитаты. «Друг Божий» — так в Писании именуется Авраам (Ис 41. 8; 2 Пар 20. 7; Иак 2. 23). «Мир его недостоин» — это, конечно, цитата из апостольского послания: «Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр 11. 38). Обе цитаты, надо признать, вполне уместны в рассказе о Ное.

При всех поэтических вымыслах и домыслах Муравьев в «Потопе» оставался в рамках христианского вероучения. В его юношеской незавершенной поэме мы не находим ничего, что принципиально противоречило бы по смыслу его же краткому рассказу о Всемирном потопе в пособии, написанном спустя 15 лет, когда Муравьев уже выступал в качестве видного церковного писателя: «Когда же от смешения сынов Божиих с дочерьми человеческими, обольстившими их красотою, возникли исполины, мужи именитые, полагавшие упование на силу свою, Господь определил сперва время для их покаяния. Но видя, что развращение умножилось на земле и что всякий помышляет прилежно одно лишь злое в сердце своем, во все дни жизни, Господь, восскорбев, сказал: “Истреблю от лица земли человеков, сотворенных Мною, и не только их, но и скот, и гадов, и птиц небесных, ибо Я размыслил, что их создал”. Ной же обрел благодать пред Богом. Так, на языке человеческого, выразил священный бытописатель неисповедимый совет Божий о обновлении первобытного растленного мира волнами потопа, как некогда и сей второй мир, по словам Апостола Петра, обновится огнем, в день суда [2 Петр 3. 7]»³⁵.

Поэмы Шихматова и Муравьева представляют особый интерес еще и потому, что оба они оставили заметный след в истории русского православия, один — как афонский подвижник, другой — как церковный писатель. Ни тот, ни другой при этом никогда не порицали своих поэтических произведений, имея все основания относить их к роду духовной поэзии. Шихматов, уже став иеромонахом

³⁵ <Муравьев А. Н.> Священная история. СПб., 1842. С. 17—18.

Аникитой, в 1830-х гг. готовил переиздание своих стихотворений³⁶, а Муравьев в зрелые годы не без гордости вспоминал о своем «Потопе», сожалея, кажется, о нереализованности этого замысла.

Граница между светской и духовной словесностью, на которой располагался жанр религиозной поэмы, с конца 1820-х гг. стала утрачивать свою социальную определенность. Во времена Пушкина и Гоголя русская литература перестала быть только изящной словесностью, в основном востребованной лишь европеизированным и досужим дворянским сословием, а стала претендовать на общенациональное и духовное значение. Светские авторы стали чаще обращаться не просто к моралистической и религиозно-философской, а к специфически церковной тематике. Тот же Муравьев и его судьба как писателя служат тому примером, но далеко не единственным (достаточно напомнить о А. С. Хомякове, И. В. Киреевском и позднем творчестве Гоголя). Поэтому неудивительно, что в тот же период переживает свой расцвет и жанр религиозной поэмы.

Ф. Н. Глинка, «Таинственная капля» и «Иов»

Федор Николаевич Глинка (1786—1880) является автором самой значительной из русских религиозных поэм. Это объемная поэма «*Таинственная капля. Народное предание*», написанная в 1840-х гг., впервые опубликованная в Берлине в 1861 г., а в России — только в 1870-м³⁷. Она основана на легенде о евангельском благоразумном разбойнике, который в младенчестве будто был чудесно исцелен накормившей его Богородицей во время бегства Святого семейства в Египет, а потом пошел по пути своих отцов и был распят по правую руку Христа. Это «народное предание» послужило Глинке канвой для поэтического из-

³⁶ В РГБ есть экземпляр переплетенных в одну книгу ранних сочинений Шихматова с его собственноручной правкой, относящейся к началу 1830-х гг. (см.: *Гардзонио С.* Автографы поэтов-шишковистов в книгах РГБ (Г. Р. Державин и Е. И. Станевич. — Шихматов безглагольный, или Передумы Иеромонаха Аникиты) // *Маргиналии русских писателей 18 века.* СПб., 1994. С. 66—74.

³⁷ <Глинка Ф. Н.> Таинственная капля: Народное предание. Ч. 1—2. Берлин, 1861; <Соч. Ф. Н. Глинки. Т. 2:> Таинственная капля. Народное предание. Ч. 1—2. М., <1870> (на титуле ч. 1 — 1871, ч. 2 — 1870; цензурное разрешение — 16 февр. 1870).

ложения всей евангельской истории, сопровождаемого экскурсами в историю ветхозаветную и завершающегося славословиями, видениями ангельского мира и преисподней и пророчествами о грядущем «Верховном суде» и «Царствии Иисуса»³⁸. Поэма складывается как мозаика из 94 нумерованных глав, художественно самостоятельных и разнообразных в метрическом и жанровом отношении. «Таинственная капля» долго задерживалась духовной цензурой, но еще до публикации пользовалась определенной известностью в литературных и церковных кругах³⁹. С ней был частично знаком святитель Филарет (Дроздов), на мнение которого о богородичной легенде, послужившей основой поэмы, Глинка ссылался в предисловии: «Всеми высокоуважаемый митрополит Московский Филарет на вопрос о достоинстве легенды отвечал: “Поелику предание это клонится не в ущерб, а к похвале Пресвятой Девы, то я признаю это предание достойным”»⁴⁰. В примечании к одной из глав поэмы («Искушение в пустыне») также сообщается: «Эту статью Высокопреосвященный митрополит Филарет почтил особенным просвещенным своим вниманием»⁴¹.

Принципы, которыми Глинка руководствовался, сочиняя свою «библейскую эпопею», он сформулировал в послесловии: «Все выражения свои автор подчинял условиям предмета, он писал под условиями: а) Библейского предания; b) исторического порядка; c) местностей описываемого края и нравов; d) эпох, имевших свой современный цвет (автор старался, чтоб на всем, по возможности, отражался местный колорит), и более всего: под условием догмы и строгого воззрения Православной Церкви. <...> Словом, автор писал картину по заготовленным уже рамам и часто (вопреки требованиям воображения и творчества) не мог выступить ни на шаг из границ, ему указанных»⁴². Можно усомниться, насколько последо-

³⁸ Названия двух заключительных глав поэмы.

³⁹ См. об этой поэме: *Зверев В. П.* Федор Глинка — русский духовный писатель. М., 2002. С. 460—502; *Коровин В. Л.* «Замечания педанта»: Поэма Ф. Н. Глинки «Таинственная капля» и ее читатель М. А. Дмитриев // Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). С. 178—203.

⁴⁰ <Глинка Ф. Н.> Таинственная капля: Народное предание. Берлин, 1861. Ч. 1. С. V.

⁴¹ Там же. Ч. 2. С. 461.

⁴² Там же. Ч. 2. С. 434—436.

вательно эти принципы были реализованы в поэме, но в том, что именно таковы были субъективные намерения автора, сомневаться нет оснований. Есть один наглядный пример, показывающий, что Глинка внимательно относился к богословской критике своей поэмы, в том числе с конфессиональной точки зрения. М. А. Дмитриев, известный поэт, переводчик и мемуарист, в подаренном ему Глинкой экземпляре берлинского издания «Таинственной капли» оставил множество критических помет — стилистических, исторических и богословских. Одно свое замечание, ввиду его особой важности, он вынес на оборот переплета второй части поэмы с указанием страницы: «на стран. 15. Глинка верует в conception immaculé». Имелся в виду принятый в 1854 г. папой Пием IX догмат о непорочном зачатии Девы Марии, в согласии с которым, как показалось Дмитриеву, автора «Таинственной капли» уличали следующие строки: «Таинственно-зачатая от Бога, / Таинственно зачавшая Его...» Кто-то (возможно, именно Дмитриев) указал Глинке на подозрительность этого выражения, и в следующем издании он исправил стих таким образом, чтобы сомнений в его православии не возникало: «Сама быв дар родителям от Бога, / Таинственно-зачавшая Его...»⁴³

«Таинственная капля» — самая крупная, но не первая религиозная поэма Глинки. Еще в 1829–1834 гг. им была написана поэма «Иов. Свободное подражание священной Книге Иова», изданная только в 1859 г.⁴⁴ Архиеп. Филарет (Гумилевский) оценил поэму как «подражание, достойное подлинника»⁴⁵. На самом деле это не «свободное подражание», а переложение Книги Иова — первое ее полное стихотворное переложение в русской литературе. Профессор Санкт-Петербургской духовной семинарии М. В. Шавров, известный некоторыми трудами по Ветхому Завету, считал это пере-

⁴³ Коровин В. Л. «Замечания педанта». С. 188. Здесь же (с. 195–203) опубликованы все остальные заметки Дмитриева на полях «Таинственной капли» общим числом около 150.

⁴⁴ Иов. Свободное подражание Священной книге Иова Ф. Глинки. СПб., 1859. Цензурное разрешение было выдано 8 февраля 1859 г. архим. Феодором (Бухаревым). Вторично поэма была издана в третьем томе сочинений Глинки в 1872 г.

⁴⁵ Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. С. 490.

ложение прекрасным в своем роде, способствовал выходу поэмы из печати и написал о ней большую апологетическую статью⁴⁶. До публикации она, однако, претерпела много цензурных мытарств. Представленная в 1835 г. в светскую цензуру, она к концу года поступила в духовную, а в середине 1836 г. была официально отвергнута, причем с убийственным для Глинки добавлением, что «...если бы прелататель, исправив рукопись по сделанным замечаниям, вторично представил ее в цензурный комитет, то да будет известно ему, что по силе 76 параграфа Устава цензуры комитет не может пропустить оной к напечатанию без разрешения Святейшего Синода»⁴⁷. Здесь нет места излагать цензурную историю «Иова» (это уже сделано в монографии В. П. Зверева, где обильно цитируются архивные документы⁴⁸), но нужно сказать, что замечания в составленном в 1836 г. священником И. Д. Колоколовым отзыве⁴⁹ удивляют своей незначительностью: они вообще не касаются самой поэмы, а только некоторых выражений в авторском предисловии, вроде «знаменитый ересью Ориген» и «Иов, терзаемый не менее языческого Прометея», и в общей сложности всех таких замечаний только девять. Кроме того, Глинке вменили в вину посвящение поэмы «жене своей», как не согласующееся «с важностью канонической книги Священного Писания». Все эти выражения (даже если признать претензии к ним серьезными) легко можно было исправить, и Глинка выражал на это полное согласие. Зачем же тогда Санкт-Петербургский комитет для цензуры духовных книг не только не разрешил поэму к печати, но и отказался делать это впредь, предоставив рассматривать дело прямо Святейшему Синоду?

Думается, ключом к пониманию этой суровости цензоров может служить одно замечание в отзыве Колоколова, вообще к Глинке не относящееся: «Статья *Критический разбор книги Иова*, еще *рукописный*, не принадлежит прелатателю и, по его словам, сделан человеком умным и знающим, — *вероятно*, для классических упражнений

⁴⁶ *Шаевров М. В.* Иов и друзья его: По поводу произведения Ф. Н. Глинки «Иов, свободное подражание священной книге Иова». СПб., 1859. То же см. в журнале «Духовная беседа» (1859. № 48. С. 333–364).

⁴⁷ Цит. по изд.: *Зверев В. П.* Федор Глинка... С. 393.

⁴⁸ См.: Там же. С. 382–435.

⁴⁹ См. этот отзыв: Там же. С. 392–393.

юношества, обучающегося в духовных училищах, что, следственно, не доказано и чего доказать нельзя, ибо ни в каких духовных училищах не видно такого руководства. Почему извлечение из сего разбора не может быть пропущено к напечатанию». Автором этого рукописного «Критического разбора Книги Иова», которого цензор предпочел даже не называть, был протоиерей Г. В. Павский, в начале 1835 г. отставленный с должности законоучителя наследника престола за учебники, в которых были усмотрены «признаки неправоверия». История эта получила широкую огласку. Цензоры, вероятно, заподозрили, что Глинка как-то связан с Павским и является транслятором его идей, убоялись оказаться причастными к разыгравшемуся на самых верхах конфликту и, сняв с себя ответственность, предоставили дело на усмотрение Синода. Этим и объясняется поверхностность и формализм замечаний цензора, которые в данном случае являлись предлогом, а не причиной остановки книги.

Глинка лично с Павским близко связан не был, его статью он приобщил к своему «Иову» как сочинение ученого библеиста, к тому же рукопись поэмы вместе с приложениями он сдал в цензуру (светскую) в начале 1835 г. (а подготовил к концу 1834 г.). Конечно, в 1836 г. он охотно согласился не печатать статью Павского вместе с поэмой, но это уже не помогло: решить вопрос о ее публикации теперь мог только Синод, но ни его решения, ни даже рассмотрения «Иова» в Синоде поэт так и не дождался. Его «Иов», ставший, по нашему предположению, случайной жертвой истории с Павским, в итоге вышел из печати почти через четверть века, уже в другую эпоху⁵⁰.

Рассмотренными выше произведениями не ограничивается круг русских религиозных поэм 1820–40-х гг., даже если иметь в виду

⁵⁰ Из других сочинений Глинки к жанру религиозной поэмы ближе всего подходит небольшая (1103 стиха) поэма «Видение Макария Великого», написанная в 1840 г., переработанная автором в 1847–1848 гг., но при его жизни так и не опубликованная. Издана она была совсем недавно (см.: Коровин В. Л. «Видение Макария Великого» — неопубликованная поэма Федора Глинки // А. М. П. Сборник памяти А. М. Пескова. М., 2013. С. 463–505; текст поэмы и предисловие Глинки — с. 469–504).

только самых известных авторов. Среди них первым нужно назвать В. К. Кюхельбекера, постоянно в своем творчестве обращавшегося к Священному Писанию. Самая большая его поэма — «Давид. Эпическое стихотворение, взятое из Священного писания». Написанная в 1826—1829 гг., до сих пор она опубликована только частично⁵¹. Большая часть сочинений Кюхельбекера была издана посмертно, причем в основном уже в XX в., но среди того немногого, что увидело свет при его жизни, есть и библейская поэма «Зоровавель», написанная в 1831 г. и опубликованная в составе его анонимно вышедшей книги «Русский Декамерон 1831 года» (СПб., 1836).

Не очень сейчас известен Владимир Игнатьевич Соколовский (1808—1839), специализировавшийся на библейской тематике⁵². В 1830-х гг. большим успехом пользовалась его поэма «Мироздание. Опыт духовного стихотворения» (СПб., 1832)⁵³, в ней даже видели соперницу творений Мильтона и Клопштока. Соколовскому принадлежат также не опубликованная полностью поэма «Альма» (1837), составленная из переложений фрагментов Песни песней и других библейских книг, небольшая поэма «Разрушение Вавилона» (1839) и драматическая поэма по Книге Есфирь «Хеверь» (СПб., 1837). У последней была показательная цензурная история: сначала Соколовский под заглавием «Эсфирь» представил ее в светскую цензуру, откуда она перешла в духовную и не получила разрешения к печати, тогда он изменил название на «Хеверь», переименовал действующих лиц, после чего вновь подал ее в светскую цензуру, и поэма благополучно вышла в свет. Впрочем, произведения Соколовского, несмотря на библейскую тематику, с религиозной точ-

⁵¹ См.: *Кюхельбекер В. К.* Избр. произведения: В 2 т. / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Н. В. Королевой. М.; Л., 1967. Т. 1. С. 350—474 (Б-ка поэта). В комментариях дан пересказ пропущенных в публикации частей.

⁵² См. о нем: *Балакин А. Ю.* Соколовский В. И. // *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь.* Т. 5. М., 2007. С. 717—719 (здесь же библиогр.); *Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. Л., 1972. Т. 2. С. 362—414, 721—725.* См. также: *Соколовский В. И.* «Ни разу счастьем я не был упоен...»: Сб. стихов. Ставрополь, 2000.

⁵³ В 1837 г. эта поэма была переиздана с укороченным подзаголовком «Стихотворение». 3-е изд. вышло в 1867 г. вместе с двумя его небольшими стихотворениями духовного содержания: *Соколовский В. И.* Мироздание. Кто Ты, Господи? Исповедь. СПб., 1867.

ки зрения не очень интересны. Библия для него была источником сведений по этнографии Древнего Востока, а чаще всего — просто экзотических образов и сюжетов, используемых для выражения посторонних мыслей и чувств или придания своим сочинениям «восточной картинности»⁵⁴.

Последние значительные религиозные поэмы интересующего нас периода принадлежат В. А. Жуковскому: это «Повесть об Иосифе Прекрасном» (1845, изд. 1873), «Египетская тьма (Опыт подражания библейской поэзии)» (1846, изд. 1847; переложение Прем. 17), а главное — создававшиеся им в последние два года жизни и оставшиеся незавершенными поэма «Странствующий жид» и переложение Апокалипсиса («Из Апокалипсиса»). Опубликованы они были в 1857 г. Как и сильно запоздавшие с выходом в свет «Таинственная капля» и «Иов» Федора Глинки, они не произвели большого впечатления на публику, поскольку в это время наступила новая литературная эпоха, с другими вкусами. Стихотворные переложения из Библии в ней тоже найдут свое место, но уже в качестве периферийного жанра.

⁵⁴ Выражение из одобрительной рецензии Л. А. Якубовича на поэму «Мироздание» (см.: Телескоп. 1832. № 13. С. 108—115).